

Говорить о литературе значит задаваться вопросом, почему мы пишем. Лучший ответ на него содержится в первых строчках “Истории”, где Геродот Галикарнасский изъясляет желание писать, “чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния <...> не остались в неизвестности”¹. Человек пишет потому, что сознает свою бренность. Выражать себя в слове, на письме — занятие в высшей степени сродное человеку, поскольку цель его состоит в том, чтобы передавать, преодолевая время, бесконечное многообразие человеческого опыта: накопленные нами знания, само собой, но вместе с тем и прежде всего — то, что связывает нас с другими людьми, множественные грани нашего существования, темные и светлые области нашей души.

Но почему мы читаем? Думаю, ответ прост: потому что литература — великая литература, та, что имеет универсальный характер, — помогает нам жить. Забравшись на плечи великих писателей, мы можем охватить взглядом опыт гораздо более широкий, чем тот, что могли бы извлечь из глубин своего смятенного сознания, не имея на то таланта и времени жизни. Единственная тема литературы — человеческий удел. Мы открываем в ней свои страхи и надежды, свою слабость и смелость, свободу и тяготы судьбы, все то, что делает нас одновременно великими и ничтожными. Все прочее — пустословие.

Должно быть, само понятие национальной литературы кажется мне очевидным заблуждением потому, что я швейцарец. Практически все наши писатели говорят на языке, который, безусловно, является их родным, но который в равной степени является родным и для других народов. Фриш и Шессе — швейцарцы, но творчество их принадлежит литературе на немецком и французском языке соответственно. Сходным образом для меня как для читателя Вийон, Мопассан и Камю — не иностранные авторы, поскольку их язык — это мой язык, и я так же непосредственно, можно сказать, на телесном уровне воспринимаю их тексты, как коренной француз. И швейцарцы — не исключение: язык, на котором пишет вся Америка, не является языком единой нации; целый ряд писателей, как, например, Жюльен Грин, Набоков или Конрад, переходили на неродной язык и зачастую именно на нем достигали вершин творчества.

Произведение, конечно же, неразрывно связано с контекстом, в котором писатель вырос и жил: только русский мог написать “Войну и мир”, испанец — “Дон Кихота”, американец — “Гроздь гнева”. Однако произведением искусства становится только то, что не несет на себе печати конкретных времени и места. В картинах Ван Гога находят отражение не условия жизни эмигранта голландца, но муки человеческой души, терзаемой безумием. Стало быть, народ, из которого выходит великий писатель, не сможет себе его присвоить: писатель принадлежит всему человечеству, поскольку обращается он ко всем, кто его слушает. Даже придворные художники, поставившие свое искусство на службу власти имущим, порой, как бы вопреки себе, подчинялись овладевавшему ими гению и создавали универсальные по значимости произведения искусства.

Поэтому меня радует мысль, что русским читателям представилась возможность узнать писателей моей страны. Не ищите у них народных традиций и местных сюжетов, ведь контекст — всего лишь оболочка: писатель говорит не о своей стране, он говорит о тебе, читатель, тебе он и принадлежит.

ИВ РОССЬЕ,
посол Швейцарии в России